

Николай Добролюбов

Органическое развитие человека

Николай Александрович Добролюбов

Органическое развитие человека

«...Ежели здоровье состоит в том, чтобы беспрепятственно совершались в человеке отправления растительной жизни и чтобы не было в теле постоянного ощущения какой-нибудь острой боли, то, пожалуй, можно согласиться, что все толстые идиоты совершенно здоровы. Но, в таком случае, ведь и поражённого параличом надобно считать здоровым человеком, и одержимого белой горячкой – тоже здоровым. А между тем и то, и другое мы считаем болезнями и даже весьма значительными...»

**Николай Александрович
Добролюбов
Органическое развитие
человека в связи с его
умственной и нравственной
деятельностью**

Органическое воспитание в применении к самообразованию и к развитию здоровья питомцев, сочинение К. Ф. Шнелля. Перев. с немецкого Ф. Бёмера. Спб. 1857 г. – Книга о здоровом и больном человеке, сочинение доктора К. Э. Бока. Перев. с немецкого И. Паульсона и Ф. Бёмера. Спб. 1857 г., две части.[1]

Оба, названные нами, сочинения вышли в русском переводе уже довольно давно, но, кажется, не обратили на себя особенного внимания русской публики. А, между тем, это книги весьма замечательные, и в особенности для нас, сбитых с толку выспренными теориями учёных педагогов, говорящих о духовном развитии человека такие вещи, что просто волос дыбом становится. Так, Шнелль, не прибегая ни к каким хитрым толкованиям, говорит просто-напросто, что «верховною целью воспитания должно быть здоровье» (стр. 1). Этим определением он начинает свою книгу, им же её оканчивает, оно же строго проведено по всем отделам его сочинения. Доктор Бок также утверждает, что важнее всего при воспитании заботиться о здоровья и постоянном упражнении всех чувств, приспособляя их к различным впечатлениям (стр. 469).

Нет сомнения, что определение Шнелля, по своей крайней простоте, с первого же раза покажется понятным для каждого из читателей. Но, вместе с тем, несомненно и то, что многие поторопятся растолковать его в смысле очень ограниченном и, вследствие того,

восстанут с благонамеренными насмешками против Бока и Шнелля, и тут же против нас, признающих начала их совершенно разумными. «Ваша идея, – язвительно скажут нам, – вовсе не нова; вы имеете честь разделять её с госпожей Простаковой, с господином Скотининым, с родителями пана Халявского, изображённого Основьяненком, и вообще со всеми маменьками и папеньками, которые слово *воспитание* считают однозначным с словом *откармливанье*. К сожалению, ваша теория *воспитания для здоровья* находит ещё многих представителей в отживающем поколении провинциальных, степных бабушек, тётушек, нянюшек, которые встречают своего воспитанничка, приехавшего из университета, словами: «батюшка ты наш! как тебя там измучили! Поехал – так любо посмотреть было; а теперь – спичка спичкой стал. Вот она, наука-то ваша проклятая!» Вашей идее обрадуются все балбесы, которые до 15 лет ничему не учатся, но зато – как яблочко румяны, потому что с утра до ночи собак гоняют», и пр., и пр.

На все эти возражения мы можем отве-

тить просвещённым нашим противникам, что не всякая болезнь иссушает человека, и не всякая толстота означает здоровье. Мы просим вспомнить поэтическую жалобу толстого труженика, который утверждает: люди, дескать,

*По моей громадной толщине
Заключают ложно обо мне, —*

не зная,

*...Что тот,
Кто счастливец по виду слывёт,
Далеко не так благополучен,
Как румян и шаровидно тучен.*

Да, ошибка госпожи Простаковой с братией состояла не в том, что они заботились о здоровья детей, а в том, что не понимали, что такое здоровье. Матушка откармливает своего Митрофанушку, а он, съевши на сон грядущий солонины ломтика три, да пирожков подовых пять или шесть, — ляжет да и тоскует целую ночь, а по утру как шальной ходит... Разве это здоровье? Ежели здоровье состоит в том, чтобы беспрепятственно совершались в человеке отправления растительной жизни и

чтобы не было в теле постоянного ощущения какой-нибудь острой боли, то, пожалуй, можно согласиться, что все толстые идиоты совершенно здоровы. Но, в таком случае, ведь и поражённого параличом надобно считать здоровым человеком, и одержимого белой горячкой – тоже здоровым. А между тем и то, и другое мы считаем болезнями и даже весьма значительными. Мало этого, мы ведь признаём больным, или, по крайней мере, не совершенно здоровым, человека, подверженного беспрестанным истерикам, спазмам, мигреням, всякого рода нервным расстройствам и т. п. Уродства разного рода – глухота, слепота, и т. д. – тоже должно относить к явлениям болезненным. Точно также к болезням следует относить и особые, ненормальные положения, в которые впадают иные люди, как, например, спячку или апатию ко всему на свете, совершенное беспомыслие, всякие моноμανии, общее расслабление организма и невозможность сделать над собой хотя малейшее усилие, и т. п. Словом – под здоровьем нельзя разуметь одно только наружное благосостояние тела, а нужно понимать вообще

естественное гармоническое развитие всего организма и правильное совершение всех его отправлений.

Против этого опять может быть возражение, и на этот раз уже довольно основательное. Могут указать на низший класс народа, который физически бывает обыкновенно здоровее высших классов; могут указать на дикарей, пользующихся отличным здоровьем и громадной физической силой; а с другой стороны – могут представить многих великих учёных, поэтов, государственных людей, истощённых, больных и слабых... Из этого сопоставления можно вывести заключение такого рода, на первый взгляд не лишённое своей основательности: если всё развитие человека направлять только к тому, чтобы он был здоровым, то придётся взять за идеал ирокезов, которые, как говорят, не знают никаких болезней, – и отвергнуть всё значение великих людей, прославившихся умственной и нравственной деятельностью.

Возражение это, по внимательном его рассмотрении, должно быть признано совершенно ничтожным по многим причинам. Прежде

всего мы должны повторить, что под здоровьем организма мы вовсе не разумеем одно физическое благосостояние тела. Нам кажутся смешны и жалки невежественные претензии грубого материализма, который унижает высокое значение духовной стороны человека, стараясь доказать, будто душа человека состоит из какой-то тончайшей материи. Нелепость подобных умствований так давно и так неопровержимо доказана, они так прямо противоречат результатам самих естественных наук, что в настоящее время только разве человек самый отсталый и невежественный может ещё не презирать подобных материалистических умствований. Мы совсем не хотим сказать, что телесная деятельность важнее духовной, совсем не хотим выставить довольство физическое целью нашей жизни. Напротив – мы намерены говорить о том, что часто тело наше, как служебное орудие духовной деятельности, бывает испорчено разными слабостями и болезнями и не имеет возможности исполнять своего назначения. Мы восстаем против того, что часто мы заботимся только на словах о совершен-

ствовании духовном, а между тем на деле во- все не стараемся покорить тело духу и, преда- ваясь чувственности, расстраиваем и тело своё, и у духовных способностей отнимаем возможность проявляться правильно; потому что расстроенные телесные органы делаются негодны для служения возвышенной духов- ной деятельности. Это говорит нам постоян- ный опыт, говорит наше внутреннее созна- ние, наша вера; и это же самое подтверждает- ся результатами новейших исследований в области естествоведения. Эту именно необхо- димость – воспитывать тело для служения правильной духовной деятельности, эту исти- ну, сделавшуюся даже избитою от частого по- вторения, истину, что *mens sana*, здоровый дух, – должен быть *in corpore sano*, т. е. дол- жен соединяться с здоровым телом, – это и на- мерены мы подтвердить, указавши на несо- мненные факты естествоведения. В таком именно смысле должны быть понимаемы все наши замечания о неразрывной связи душев- ной и телесной деятельности.

Но возвратимся к возражению, приведён- ному нами. Кроме одностороннего, узкого по-

нимания здоровья, – оно грешит ещё тем, что берёт для сличения предметы не совершенно под одинаковыми условиями. Различие племён и затем различие занятий человека много имеет влияния на возможную степень его развития во всех отношениях. Если бы можно было брать здоровье в отвлечённости, то не нужно было бы даже к людям обращаться, а пряма привести в пример животных. На что вам ещё организм крепче и здоровее, чем хоть, примерно, у слона или у льва, или даже у быка? Недаром же говорят у нас: «Здоров, как бык». Но у этих животных самое строение организма не то, что у нас, и потому мы оставляем их в покое. Есть, пожалуй, червяки, которых разрежешь пополам, так обе половинки и поползут в разные стороны, – как ни в чём не бывало; эти нам не пример. Точно так и ирокезы – не пример для европейских учёных. Кроме того – нужно заметить, что болезненное состояние вовсе не способствовало, конечно, полезным открытиям и изысканиям, произведённым этими учёными. В большей части случаев, болезнь вовсе и не относилась к тем органам, которые необходи-

мы были для их специальности (как исключение, можно бы привести Бетховена; но и у него повреждение слуховых органов не было так сильно в то время, когда он создавал лучшие свои творения); местное же поражение в этом случае не должно быть принимаемо в расчёт.[2] Конечно, Байрон был хром, и это не помешало ему быть великим поэтом, точно так, как, напр., слабость зрения не помешала многим другим быть великими учёными, философами и пр. Но, конечно, всякий согласится, что наружное повреждение всего менее можно назвать болезнью организма. С другой же стороны, всякий признает, что каждое болезненное ощущение в теле расстраивает, хоть на минуту, нашу духовную деятельность и что, след., если бы великие учёные были: совершенно здоровы, то сделали бы ещё больше, чем сколько сделали они при своих немотах.

Говорят, что, напротив, – иногда болезнь тела возбуждает сильнее духовную деятельность. Примеров приводят много. Указывают на нескольких поэтов, почувствовавших и открывших миру силу своего таланта после то-

го, как они стали слепы. Тут, разумеется, являются Гомер и Мильтон, тут приводят и стихи Пушкина русскому слепцу-поэту:

*Певец, когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
и проч.[3]*

Указывают также на Игнатия Лойолу, во время болезни почувствовавшего призвание к основанию ордена; на Магомета, в припадках падучей болезни слышавшего призвание Аллаха; на аскетов, которых духовные созерцания происходили именно от истощения ими плоти своей, и т. д. Примеров на эту тему можно набрать тысячи; случаев, в которых обнаруживается антагонизм духовной и телесной природы в человеке, тоже насчитывается множество. Но во всем этом господствует недоумение; сначала виною ему послужили грубые материалисты; а потом и мечтательные идеалисты, опровергая их, впали в ту же самую ошибку. Мы намерены объяснить на этот счёт подробнее, считая объяснение именно этого пункта самым необходимым для убеждения в важности, какую имеет здо-

ровый организм, – не только для телесной, но и для нравственной деятельности человека.

Начнём хоть с того, что замечать антагонизм между предметами есть дело совершенно естественное и неизбежное при раскрытии в человеке сознания. Пока мы не замечаем различия между предметами, до тех пор мы существуем бессознательно. Первый акт сознания состоит в том, что мы отличаем себя от прочих предметов, существующих в мире. Уже в этом отличении заключается и некоторое противопоставление, и противопоставление это тем сильнее, чем более самостоятельности признаём мы за своим существом. Сознавши себя как нечто отдельное от всего прочего, человек необходимо должен прийти к заключению, что он имеет право жить и действовать сам по себе, отдельной и самостоятельной жизнью. Но на деле он беспрестанно встречает непреодолимые препятствия к исполнению своих личных стремлений, и, сознавая своё бессилие, но ещё не сознавая ясно своей связи с общими законами природы, ставит себя во враждебное отношение к ней. Ему кажется, что в природе есть ка-

кие-то силы, неприязненные к человеку и вечно ему противоборствующие. Отсюда развивается мало-помалу понятие о тёмных силах, постоянно вредящих человеку. Между тем и благотворная сила природы не может не быть замечена человеком, раз уже отличившим себя от неё, и таким образом, вместе с понятием о тёмной силе, является и сознание силы светлой и доброй, покровительствующей человеку. Вот начало того дуализма, который находим мы в основании всех естественных религий: Вишну и Шива, Ормузд и Ариман, Белбог, и Чернобог, и проч., и проч., служат олицетворением первоначальных понятий человека о силах природы... В дальнейшем своём развитии, соразмерно с приобретением большей опытности человечеством, общая идея распадается на множество частных и применяется ко всякому отдельному явлению. Таким образом, являются понятия о противоборстве света и мрака, тепла и холода, моря и суши <земли и языческого неба> и т. д. Наконец, человек обращается от внешнего мира к себе и в своей собственной натуре тоже начинает замечать борьбу каких-то

противоположных побуждений. Не умея ещё возвыситься до идеи о всеобщем единстве и гармонии, он и в себе, как в природе, предполагает существование различных, неприязненных друг другу, начал. Доискиваясь, откуда взялись они, он, почти вполне ещё находящийся под влиянием впечатлений внешнего мира, не задумывается приписать их происхождение тем же враждебным силам, какие заметил уже в природе. Находя внутри себя какие-то неясные стремления, какое-то недовольство внешним, он естественно заключает, что внутри его есть какое-то особенное существо, высшее, нежели то, которое обнаруживается в его внешней деятельности. Отсюда прямой вывод, что в человеке два враждебных существа, – одно, происходящее от доброго начала, – внутреннее, высшее; другое, произведённое злою силой, внешнее, грубое, тёмное. Таким образом, является то мрачное понятие о теле, как темнице души, которое существовало у до-христианских народов. Со времён христианства, древний дуализм понемногу начинает исчезать и до некоторой степени теряет свою силу в общем сознании. Но

старые понятия жалко было бросить схоластическим мудрецам средних веков, и они ухватились за дуализм, как за неистощимый источник диалектических прений. В самом деле, – когда всё просто, естественно и гармонично, о чём тогда и спорить? Гораздо лучше, если будет два начала, две силы, два противных положения, из которых можно исходить во всеоружии софизмов на поприще праздной диалектики. Эти-то премудрые схоластики и задержали общий здравый смысл, которому, конечно, давно пора бы понять, что последняя цель знания – не борьба, а примирение, не противоположность, а единство. Средневековые учёные постарались отделить душу от тела и, взглянув на неё, как на существо, совершенно ему чуждое, принялись потом отгадывать: как же это душа с телом соединяется? В древности Аристотель тоже рассуждал об этом; тому было, разумеется, простительно. Он воображал себе, что тело есть материя грубая, а душа – тоже материя, только очень тонкая, и, следовательно, вопрос, поставленный им, можно понимать некоторым образом в химическом смысле. Оттого-то и

вышла у него хорошая теория – *инфлюксус физикус*, для объяснения связи души с телом. У средневековых учёных не могло существовать предположения Аристотеля о материальности души. Все они были христиане, большею частью духовные, все веровали в духовность и бессмертие души, а между тем рассматривали вопрос, который возможен был только при предположении Аристотеля. Каким способом дух соединяется с телом, спрашивали они, какое место занимает он в теле? Посредством каких связей передаётся душе боль, причинённая телу? Какие существуют проводники, передающие телу мысли и желания воды?.. Делая все эти вопросы, схоластики не понимали, что, считая душу идеальным существом, механически вложенным в тело, они через то сами впадают в грубейший материализм. Если душа занимает определённое местечко в теле, то, разумеется, она материальна; если она какими-нибудь внешними связями соединяется с телом, – опять то же неизбежное следствие. К этому заблуждению присоединялось ещё другое, тоже языческое, – что тело состоит под влиянием злой

силы и от него приходит в душу всё нечистое. На основании этого рассуждения средневековые аскеты превзошли даже те жестокие и кровавые истязания, какие делают над собой индийцы в своём религиозном исступлении. Известно, до какого безумия доходили бичующиеся в своём усмирении плоти. Известно и то, сколько колдунов и сколько несчастных, так называемых, «беснующихся», сожжено было тогда вследствие уверенности, что в теле их воцарился дьявол...

В наше время успехи естественных наук, избавившие нас уже от многих предрассудков, дали нам возможность составить более здравый и простой взгляд! и на отношение между духовной и телесной деятельностью человека. Антропология доказала нам ясно, что прежде всего – все усилия наши представить себе отвлечённого духа без всяких материальных свойств, или положительно определить, что он такое в своей сущности, всегда были и всегда останутся совершенно бесплодными. Затем наука объяснила, что всякая деятельность, обнаруженная человеком, лишь настолько и может быть нами замечена, на-

сколько обнаружилась она в телесных, внешних проявлениях, и что, следовательно, о деятельности души мы можем судить только по её проявлению в теле. Вместе; с тем мы узнали, что каждое из простых веществ, входящих в состав нашего тела, само по себе не имеет жизни, – следовательно, жизненность, обнаруживаемая нами, зависит не от того или другого вещества, а от известного соединения всех их. При таком точном дознании уже невозможно было оставаться в грубом, слепом материализме, считавшем душу каким-то кусочком тончайшей, эфирной материи; тут уже нельзя было ставить вопросы об органической жизни человека так, как их ставили древние языческие философы и средневековые схоластики. Нужен был взгляд более широкий и более ясный, нужно было привести к единству то, что доселе намеренно разъединялось; нужно было обобщить то, что представлялась до тех пор какими-то отдельными <ничем не связанными> частями. В этом возведении видимых противоречий к естественному единству – великая заслуга новейшей науки. Только новейшая наука от-

вергла схоластическое раздвоение человека и стала рассматривать его в полном, неразрывном его составе, телесном и духовном, не стараясь разобщать их. Она увидела в душе именно ту силу, которая проникает собою и одушевляет весь телесный состав человека. На основании такого понятия, наука уже не рассматривает ныне телесные деятельности отдельно от духовных, и обратно. Напротив, во всех, самых ничтожных телесных явлениях наука видит действие той же силы, участвующей бессознательно в кроветворении, пищеварении и пр. и достигающей высоты сознания в отправлениях нервной системы и преимущественно мозга. Отличаясь простотою и верностью фактам жизни, согласный с высшим христианским взглядом вообще на личность человека, как существа самостоятельно-индивидуального, взгляд истинной науки отличается ещё одним преимуществом. Им несомненно утверждается та истина, что душа не внешней связью соединяется с телом, не случайно в него положена, не уголок какой-нибудь занимает в нём, – а сливается с ним необходимо, прочно и неразрывно,

проникает его всё и повсюду так, что без неё, без этой силы одушевляющей, невозможно вообразить себе живой человеческий организм <и наоборот>.

Вникнувши в этот взгляд, немудрено понять, в каком смысле здоровье может быть принимаемо за верховную цель развития человека. Если всякая душевная деятельность непременно, проявляется во внешних знаках, и если орудием её проявления служат непременно органы нашего тела, то ясно, что для правильного проявления душевной деятельности мы должны иметь правильно-развитые, здоровые органы. При всём желании слушать хорошие советы и видеть добрые примеры, человек слепой и глухой не может исполнить своего желания так же, как безногий не может ходить, немой говорить, и т. п. Так точно, если в нас расстроены нервы, мы не можем быть спокойны и терпеливы; если повреждён мозг, не можем хорошо рассуждать, и т. д. Во всех этих случаях мы нездоровы, хотя бы и не чувствовали острой телесной боли. Равным образом, нельзя назвать совершенно здоровым и того организма, в котором одна

какая-нибудь сторона развивается слишком сильно, в ущерб другим. Таким образом, тот организм, в котором развитие мозговых отделений поглощает собою все другие, развивается ненормально, болезненно. Точно также ненормально и развитие того организма, в котором усиленной деятельностью мускулов ограничивается и заглушается развитие нервной системы и особенно мозга. В этом отношении, следовательно, как бледные, истощённые учёные дети, так и дикари, обладающие страшной физической силой, но грубые и необразованные, развиты одинаково односторонне, и односторонность эту можно назвать недостатком полного здоровья организма. Недостаток этот, разумеется, несколько не мешает правильной деятельности тех органов, которые хорошо развились, хотя он и мешает водворению полной гармонии в организме. Оттого-то мы и видим всегда так много лихорадочного, судорожного в деятельности энтузиастов, у которых сила чувства и воображения преобладает над рассудком. Оттого-то мы находим такую ограниченность, тусклость понятий у людей, всю жизнь посвя-

тивших физическому труду, животнo-здоровой организации недостаточно для человека: для него нужно здоровье человеческое, здоровье, в котором бы развитие тела не мешало развитию души, а способствовало ему. Иначе является одностороннее, нездоровое развитие, при котором, – совершенно естественно, – болезненное состояние одних органов возбуждает к усиленной деятельности другие. Собственно говоря, всякую болезнь можно определить именно как нарушение правильного отношения между частицами, входящими в состав нашего организма. Следовательно, тот, напр., факт, что при истощении тела от болезни усиливается деятельность воображения, нисколько не противоречит общей гармонии организма, а, напротив, подтверждает её. Давно уже замечено, что природа как бы старается вознаградить человека за недостаток одних органов большим совершенством других. Так, слепые бывают одарены хорошим слухом и осязанием; напротив, глухие часто отличаются остротою зрения, и т. п. То же самое должно произойти, при деятельности, совершающихся при непосред-

ственном участии мозга. Они могут развиваться тем сильнее, чем менее развиваются прочие деятельности. Так, лишение зрения необходимо заставляет человека отказаться от некоторых общественных занятий и, кроме того, отнимает у него возможность приобретать новые впечатления посредством глаз. Весьма естественно, что, находясь в таком положении, человек более обращается к своему субъективному миру и занимается переработкою тех впечатлений, которые были уже получены им прежде. Точно так и какой-нибудь Лойола мог развивать в своём воображении какие угодно великие планы, несмотря на слабость своего тела за время выздоровления. Это факт весьма естественный: так известно, что ослабление тела, вследствие продолжительного голода, оканчивается бредом, и вообще бред всего чаще является в болезнях, истощающих организм. В подобных явлениях мы должны видеть скорее соответствие, нежели антагонизм.

Смотря на человека, как на одно целое, нераздельное существо, как на истинный индивидуум, мы устраняем и те бесчисленные

противоречия, какие находят схоластики между телесной и душевной деятельностью. Разумеется, если рассекать человека на части, то непримиримых противоречий можно найти бездну, как и во всём можно отыскивать их при таком условии. Что было бы, если бы мы вздумали искать, напр., в какой части скрипки сидит звук, издаваемый ею, – в струнах, или в колышках, или в вырезках её, или в самой доске?.. К каким забавным рассуждениям привела бы нас попытка решить подобный вопрос, невозможный по самой сущности дела! Нечто, совершенно подобное, случилось с схоластиками, старавшимися противопоставить тело духу. Каким это образом, говорили они, душа наша может радоваться, когда тело чувствует боль? Как душа может не замечать предмета, когда глаза смотрят на него? Как душа может чувствовать голод, когда руки ощупывают предмет тёплый непосредственно после горячего? и т. д. Противоречия были бесконечны, и из них схоластики, – без всякого права, впрочем, – выводили заключение, довольно курьёзное, именно: душа, дескать, в человеке сама по себе, и тело

само по себе; одна действует по своим законам, а другое по своим, совершенно особенным. Заключение это, как ни нелепо оно, долгое время принималось на-слово, пока результаты, добытые естественными науками, не помогли определить точнее органическую природу человека. Теперь уже никто не сомневается в том, что все старания провести разграничительную черту между духовными и телесными отправлениями человека напрасны, и что наука человеческая никогда этого достигнуть не может. Без вещественного обнаружения мы не можем узнать о существовании внутренней деятельности, а вещественное обнаружение происходит в теле; возможно ли же отделять предмет от его признаков, и что остаётся от предмета, если мы представление всех его признаков и свойств уничтожим? Совершенно простое и логичное объяснение фактов видимого антагонизма человеческой природы происходит тогда, когда мы смотрим на человека, просто как на единый, нераздельный организм. Тогда тот факт, напр., что мы иногда, смотря, не видим, объясняется совершенно просто. Акт зрения не

состоит в том только, чтобы видимый предмет отразился в нашем глазе; главное дело здесь в том, чтобы нерв зрения был возбуждён и передал в мозг впечатление предмета. Зрение совершается не в глазе, а в мозгу, как и все наши чувства; если перерезать, напр., глазной нерв, то предметы будут отражаться в глазе по-прежнему, а видеть их мы не будем. Поэтому вовсе ничего нет странного, что когда мы заняты какими-нибудь важными думами, т. е. когда в мозгу совершается усиленная деятельность, то слабое раздражение зрительного нерва, чувствительное для нас в других случаях, делается уже недостаточным, и не пробуждает в мозгу сознания о себе. Но как скоро раздражение нерва делается слишком сильным, то внимание наше немедленно отвлекается от предметов, о которых мы думали, и обращается на предмет, произведший раздражение. Таким же естественным образом объясняет физиология и все противоречия, придуманные схоластиками, впавшими без собственного ведома в слишком грубый материализм.

Сделавши эти предварительные объясне-

ния, мы полагаем, что в читателях уже не остаётся более недоумений относительно того, что мы разумеем под здоровым развитием организма и почему предаём ему такую важность. В наше время, вообще, вошло в обычай, с голоса превыспренних поэтов, жаловаться на материализм и практическое направление века. Но нам кажется, что гораздо с большим правом врачи и физиологи упрекают наше время в одностороннем, недалёком идеализме. Посмотрите, в самом деле, как презрительно смотрим мы на телесный труд, как мало обращаем внимания на упражнение телесных сил. Мы любим, правда, красоту, ловкость, грацию; но и тут часто выражается наше презрение к простому, здоровому развитию организма. В лицах часто нам нравится мечтательное, заоблачное выражение и бледный цвет, «тоски примета»; в строении организма – талия, которую можно обхватить одной рукой; о маленьких ручках и ножках и говорить нечего. Этого, конечно, нельзя назвать положительно дурным, нельзя утверждать, что большая нога непременно лучше маленькой; но всё-таки наше предпо-

чтение, основываясь не на понятии о симметрии развития всех органов человека, а на каком-то безотчётном капризе, служит доказательством одностороннего, ложного идеализма. Мускулистые, сильно развитые руки и ноги пробуждают в нас мысль о физическом труде, развивающем, как известно, эти органы; и это нам не нравится. Напротив, миниатюрные, нежные ручки свидетельствуют, что обладающий или обладающая ими не преданы грубому труду, а упражняются в какой-нибудь высшей деятельности. Этого-то нам и нужно... Искажённые стремления идеализма постоянно в нас проглядывают. Мы, например, очень строги в суждениях о поступках других людей и очень склонны требовать от каждого, чтобы он был героем добродетели. Редко, редко обратим мы внимание на положение человека, на обстановку его быта, на разные, облегчающие обстоятельства <зато весьма часто мы, с удивительным героизмом, говорим: «он солгал; этого довольно; я считаю его человеком бесчестным»>. Ну, не идеальный ли это образ мыслей?.. А наши удовольствия? Мы даём благотворительные

балы, разыгрываем благотворительные лотереи, составляем благородные спектакли, тоже благотворительные: можно ли не видеть в этом высоких стремлений, чуждых материального расчёта? Мы восхищаемся всеми искусствами и утверждаем, что звуки опер Верди, пейзажи Калама настраивают нас к чему-то возвышенному, чистому, идеальному. На самом-то деле под всем этим скрывается, может быть; просто приятное удовлетворение слуха и глаз, а, может быть, даже и желание убить скуку; но ведь мы в этом не признаёмся, и тут-то и выражается наше стремление к какому-то идеализму? Мы совестимся представить себе вещи, как они есть; мы непременно стараемся украсить, облагородить их, и часто навязываем на себя такое бремя, которого и снести не можем. Кто из нас не старался иногда придать оттенок героизма, великодушия или тонкого соображения самому простому своему поступку, сделанному иногда совершенно случайно? Кто не убирал розовыми цветами идеализма – простой, весьма понятной склонности к женщине? Кто из образованных людей, наконец, – сошлёмся

на самих читателей, – не говорил с уверенностью, даже иногда с восторгом, о Гомере, о Шекспире, пожалуй, о Бетховене, о Рафаэле и его мадонне, и, между тем, многие ли сами-то понимали, в глубине души своей, то, что говорили? Нет, что ни говорите, а желание поидеальничать в нас очень сильно; врачи и натуралисты «имеют резон». Но ни в чём этот ложный и бесплодный идеализм не выражается так ясно и не приносит столько вреда, как в воспитании. Где ныне заботятся о применении воспитания к индивидуальному организму детей? Где занимаются наглядным обучением в раннем детском возрасте? Кто ищет для своих детей здорового развития организма более, чем внушения им всяческих, часто очень уродливых, отвлечённостей? В старину любили откармливать детей; ныне любят морить их голодом, чтоб они не ожирели и не отупели. В старину до пятнадцати лет не принимались за ученье, в той мысли, что пусть, дескать, дитя побегает, ученье-то ещё не уйдёт; ныне детям не дают бегать, заставляя их сидеть смирно и учиться. Бывало, спозаранку прогоняли детей спать, чтобы не из-

нурились, и они просыпали половину суток; теперь детей заставляют сидеть за уроком до тех пор, пока отяжелевшая голова их сама не упадёт на стол. Двухлетнему мальчику толкуют уже об учении, а с пяти лет, иногда и раньше, стараются уже вбить ему в голову высокие идеи о его назначении – быть архитектором, инженером, генералом, правоведом, и т. п. Может быть, в этом скрывается материализм самый грубый; но только результаты его вовсе не благоприятны для телесного здоровья и развития детей. Ныне уже не редкость встретить мать, которая с гордостью и тайным самоуслаждением рассказывает о том, как сын её не спал ночи, потерял аппетит, похудел и высох, как спичка, – во время экзаменов. Хвалиться прилежанием и любовью к науке дело чрезвычайно похвальное, – об этом что и говорить; но детей всё-таки жалко.

В дальнейшем учении тоже нельзя не заметить фальшиво-идеального направления, соединённого с пренебрежением к органическому развитию детей. Родители желают, например, чтоб из сына их произошёл знамени-

тейший полководец. Они понимают, конечно, что этой цели не достигнут, если дитя умрёт, и вследствие этого стараются предохранить его *от* смерти, т. е. не пускают бегать и резвиться, берегут от простуды и сквозного ветра, кутают, держат на медицинской диете, и т. п. Ребёнок, разумеется, слаб и нездоров, но от случайных болезней оберегается, дога и то не всегда. Приходит время ученья, и мальчику сейчас – геройские внушения и великие исторические примеры. Слабость и малодушие постыдны, внушают ему; нужно всегдашнее мужество и присутствие духа. Вот каков был Леонид Спартанский, Александр Македонский, Юлий Цезарь, и пр. Вот какие труды переносил Суворов; вот каким опасностям подвергался Наполеон; вот что сделали Муций Сцевола, Гораций Коклес, и пр., и пр. Достохвальные качества и подвиги этих господ, равно как и красноречивые внушения родителей производят сильное впечатление на ребёнка. Он готов хоть сейчас итти на войну и совершать чудеса; храбрости. Но *сейчас*, к сожалению, нельзя выдти и на двор: вчера шёл дождик, и потому ещё сыро. Подражать Му-

цию Сцеволе мальчик тоже рад бы, но его останавливает воспоминание о том, какая суматоха поднялась на-днях по всему дому, когда будущий герой, запечатывая письмо, капнул себе сургучом на пальчик. Он сам ревел на целую улицу, мать упала в обморок, побежали за доктором, обвязали, уложили героя и два дня продержали в постели. И видит мальчик, что быть Муцием Сцеволой несколько затруднительно, и едва ли не напрасны все высокие внушения, которые ему делают, стараясь действовать *только* на дух и совершенно презирая тело.

Так точно поступают у нас во всём, что касается развития детей. Особенно часто терпят от этого дети, которых назначение – вообще учиться, быть *образованными* людьми. С ними начинают с того, что сажают их за книгу и из книги заставляют их выучиться тому, что следовало бы узнать живьём, на деле. Так, мальчик, живущий в Петербурге, только уже начиная учиться разным наукам, получает сведения о многом, что его окружает. Из географии узнаёт он, что Петербург стоит на Неве, которая впадает в Финский залив, обра-

зую при этом несколько островов; из истории знакомится он с Петербургской стороной, домиком Петра Великого, и пр.; из естественной истории узнаёт о существовании гранита и т. д. А, подумайте, скоро ли ещё, следуя системе наших учебников, дойдёшь до всех этих предметов? Немудрено, если случаются у нас анекдоты, подобные недавно слышанному нами, который, ради его курьёзности, приведём здесь. Мальчика, очень *образованного*, привезли в гимназию; он выдержал экзамен прямо во второй класс и остался жить у дядюшки. На другой день по отъезде родителей, он за обедом начал жаловаться, что он есть ничего не может, потому что Трифон у дядюшки дурной <и что Трифона нужно высесть.> В доме дядюшки никакого Трифона не было, и потому никто не мог понять, чего мальчику нужна; а он никак не мог объяснить, повторяя только одну брань и жалобы на Трифона. Так дело и осталось неразрешённым. Но на другой день поднялась та же. История, и тут только объяснилось, что деревенский повар у родителей мальчика назывался Трифон, и *образованный* мальчик, при-

готовленный во второй класс гимназии, никогда не подумал о том, что такое Трифон, и не знал, что значит повар!

Всё это очень ясно свидетельствует о том, как мало распространено у нас понятие о необходимой связи органических отправлений с действиями внутренних душевных способностей. Мы вбиваем детям в голову огромнейшую массу разнородных отвлечённых понятий, совершенно им чуждых <бог знает, кем и как выдуманных и часто; на деле вовсе ненужных>, а между тем не хотим позаботиться о правильном, разумном воспитании тех органов, которые необходимы для того, чтобы умственная и нравственная деятельность могла совершаться правильно. В своих непрактических – а может быть – и слишком уже практических – мечтаниях мы забываем, что человеческий организм имеет свои физические условия для каждой духовной деятельности, что нельзя говорить без языка, слушать без ушей, нельзя чувствовать: и мыслить без мозга. Это последнее обстоятельство особенно часто опускается из виду, и потому у нас вовсе не заботятся о том, чтобы дать

правильное развитие деятельности мозга при воспитании. А между тем это-то и служит важнейшей помехой для достижения успешных результатов нашего воспитания, бесспорно очень умного и нравственного, но одностороннего, в своих средствах. Вот что говорит об этом, между прочим, доктор Бок, учёный, весьма известный в Германии:

«Слабость умственных способностей и болезни мозга, – говорит он, – могут произойти не только вследствие природных недостатков, но и вследствие дурного питания мозга и чрезмерного умственного напряжения. Это последнее обстоятельство, с его печальными последствиями, особенно губительно для детей, которых мозг ещё слишком мягок и недостаточно развит, чтобы переносить трудные работы. А между тем как часто их мучат отвлеченностями, вовсе недоступными их возрасту и понятиям, как часто от хилых, малокровных детей требуют успехов в науках наравне с здоровыми детьми! Прибавьте к этому ещё неправильный отдых и не соответствующую детскому возрасту пищу, и вы поймёте, что

ничто не может быть вреднее этой умственной дрессировки!» (Бок, стр. 468).

Точно такое же мнение находим мы и у Шнелля, автора другой книги, заглавие которой выписано нами в начале статьи. У него есть на этот счёт вот такая тирада (стр. 162).

«Познания добываются гораздо легче естественным путём, чем искусственным, т. е. чтением из книг. Книга обременяет дух чужим материалом и потому часто не имеет никакой пользы и расстраивает здоровье духа. Болезни мозга (водяная и воспаление мозга), встречаемые у детей первого возраста, довольно часто происходят не столько от преждевременного ученья, сколько от дурной, неестественной методы преподавания; оттого, что начинают ее наглядным преподаванием, как бы следовало, а набивают голову формами, отвлечённостями, идеями, которые впоследствии, так сказать, приходят в гниение и заражают всю организацию мозга. И в позднейшие годы поверхностное усвоение отвлечённых форм может

совершенно притупить восприимчивость к здоровым, чувственным впечатлениям, т. е. к природе и жизни. Мы уже знаем, что от неполного или несовершенного восприятия впечатлений органами внешних чувств происходят фантазмы, т. е. субъективные впечатления или обманы чувств. Точно таким же образом фантастические образы, создаваемые воображением и умом, происходят вследствие несовершенного усвоения (переваривания) духом отвлечённых форм или от недостаточности, неясности и слабости духовной пищи. В таком случае ум представляет себе не предметы, истинно существующие во внешнем мире, не существенность, а собственные (субъективные) произведения фантазии, бредни, мало-помалу совершенно овладевающие умственными силами. И если число помешанных и полупомешанных людей, которых умственное расстройство проявляется или необузданностью И своеволием или же рабским, апатическим и бессмысленным послушанием, в самом деле, со дня на день увеличивается, как утверждают

врачи-психологи, то это не есть историческое необходимое явление, вытекающее из современного порядка вещей, но результат духовной туннельной жизни».

С последним замечанием можно не согласиться, потому что самые недостатки воспитания представляют, конечно, историческое явление, вытекающее из современного порядка вещей. Но негодование автора против отвлечённости воспитания, господствующей в наше время, вполне справедливо. Во всех требованиях и приёмах современного воспитания обнаруживается полное презрение к органической жизни человека, как человека, а не как специальной машины для счетоводства, подвигов храбрости, строительства, героизма, честности, необъятной учёности, и т. п. Набивая голову детей отвлечённостями всякого рода, мы, конечно, и этим возбуждаем деятельность их мозга, но деятельность одностороннюю и болезненную, именно потому, что мы не хотим обращать внимания на связь отправлений мозга с состоянием всего организма. Это обстоятельство оказывает

самое неблагоприятное влияние на умственную и нравственную деятельность человека. Физиология непрерывным рядом Исследований и открытий последнего времени довольно ясно уже показала несомненную связь нравственной жизни человека с устройством и развитием мозга, и очень жаль, что наша образованная публика доселе так мало интересуется результатами, добытыми с помощью естественных наук. Имея это в виду, мы и решаемся представить здесь несколько общеизвестных фактов, относящихся к нашему предмету.

Один из известнейших натуралистов нового времени, Молешотт, приведён был своими изысканиями к прямому выводу, что мысль имеет влияние на материальный состав мозга, и обратно, состав мозга на мысль. Вывод этот развит им в одном из его сочинений с некоторыми подробностями, которые мы считаем здесь излишними. Мы напомним здесь читателям только положение, давно известное из сравнительной анатомии, — что в непрерывной градации животных, начиная от самых низших организмов и кончая чело-

веком, количество мозга находится в прямом отношении с умственными способностями. У самых низших животных нет настоящего мозга, а только нервные узлы, представляющие Какие-то зачатки мозга. Наименьшее количество мозга представляют земноводные и рыбы; наибольшее найдено у собак, слонов и обезьян, т. е. именно у тех животных, которые отличаются своей понятливостью. У человека же мозга больше, чем у всех животных. Количество мозга, конечно, разумеется здесь относительное, сравнительно со всей массой Тела, и кроме того – здесь не принимаются в расчёт те части мозга, в которых заключаются центральные органы движения и чувствования. Такое же отношение умственных способностей находится и к составу и устройству мозга. Так, исследования Бибры доказали, что отправления мыслительной способности в животном тем совершеннее, чем больше в мозгу его жира и фосфора. По исследованиям другого естествоиспытателя, понятливость и лёгкость мышления находятся в прямом отношении к весу мозга. Наблюдения Гушке доказали, что чем выше стоит

животное в умственном развитии, тем извилистее и глубже у него изгибы мозговой поверхности, и тем менее они имеют заметной для глаз правильности и симметрии. В приложении к человеку всё это оправдывается совершеннейшим образом. Мозговой жир у него содержит более значительное количество фосфора, чем у всех других животных; вес его больше, извилины глубже и своеобразнее. Различие во всех этих отношениях замечается не только между человеком и животными, но даже и между людьми различных племён, различного образа жизни, различного возраста и пола. Так, у новорождённых детей жира в мозгу сравнительно меньше, чем у взрослых; вообще, детский мозг жиже, мягче, более содержит в себе белого вещества мозга, чем серого, которое увеличивается уже впоследствии, вместе с развитием умственных способностей. Фохт утверждает, что раскрытие умственных способностей у детей идёт строго параллельно с развитием мозговых полушарий. Вообще, вещество мозга продолжает развиваться и увеличиваться у человека до 40–50 лет; в старости же он начинает

уменьшаться, сжиматься, делается тягучим и более водянистым. Сообразно с этим, замечается в престарелом возрасте ослабление памяти, быстрой и твёрдой сообразительности, и т. п.

То же самое отношение замечается и в весе мозга. Обыкновенный вес человеческого мозга – от 3 до 3 ½ фунтов. Множество наблюдений показало, что мозг женщины вообще весит на 1/4 / 1/6 фунта менее, чем мозг мужчины. Это совершенно согласно и с их умственным развитием: известно, что (вследствие, вероятно, условий нашей цивилизации) у женщин рассудочная; способность развита менее, чем у мужчин. Эта разница существует также относительно веса мозга людей с различными способностями. Так мозг Кювье весил более четырёх фунтов, а мозги нескольких идиотов, взвешенные Тидеманом, имели весу только от одного до двух фунтов.

О том, как различается череп негров и других низших племён человечества – от черепа народов образованных, мы полагаем излишним распространяться. Кому не известно

странное развитие верхней части черепа у этих племён, доходящее до того, что у некоторых, напр., у новоголландцев, почти вовсе нет верхних частей мозга? И кому, вместе с тем, неизвестно, что в отношении к развитию умственных способностей эти племена стоят несравненно ниже народов кавказского племени?

Укажем ещё на замечательные факты, показывающие неразрывную связь, существующую между мозгом и умом или вообще духовной жизнью человека. Род занятий человека имеет влияние на состояние мозга. Умственная деятельность увеличивает его объём и укрепляет его, подобно тому, как гимнастика укрепляет наши мускулы. По наблюдениям некоторых натуралистов, мозг людей учёных, мыслителей и пр. бывает твёрже, более содержит серой материй и имеет более изгибов. Вообще – у людей образованного класса замечают большее развитие передней части черепа, нежели у простолюдинов. Всякое умственное расстройство отражается на состоянии мозга. Показания медиков, исследовавших трупы умалишённых, доказывают, что повре-

ждения мозга непременно являются при всяком помешательстве. Кроме того, много замечено несомненных случаев потери памяти при местных поражениях мозга и, – что особенно замечательно, – часто терялась не вообще память, а только воспоминание о некоторых предметах. Некоторые, напр., позабывали события, известных годов своей жизни, другие забывали какой-нибудь из языков, им хорошо известных, иные переставали узнавать лица своих знакомых, и т. п. Каждый из подобных случаев был следствием местного поражения мозга.

Вообще, связь духовной деятельности с отправлениями мозга признана несомненною в сочинениях всех лучших и добросовестнейших натуралистов. Валентин говорит, что если мы станем срезывать мозг у какого-нибудь из млекопитающих животных, то проявления его внутренней деятельности ослабевают по Мере того, как уменьшается количество мозга; когда же доходит при этом до так называемых мозговых пещер, то животное погружается в совершенную бесчувственность. Положение это представляется совершенно оче-

видным в опытах Флурана, который у некоторых животных, могущих переносить повреждения мозга, срезывал мозг сверху пластинами. Таким образом делал он опыты над курами и, постепенным срезыванием мозга, доводил их до того, что у них исчезало всякое проявление высшей жизненной деятельности. Они теряли даже способность произвольного движения и всякую восприимчивость к впечатлениям внешних предметов. Но при этом жизнь их не прекращалась; ее поддерживали искусственным питанием, и куры в течение нескольких месяцев продолжали прозябать таким образом, даже увеличиваясь в весе. После всех этих фактов, нельзя не признать важности правильного развития мозга для правильности; самых отправлениях духовной деятельности. И так как человек превосходит животных всего более совершеннейшим устройством мозга, то для него этот орган духовной деятельности должен иметь особенно важное значение. В этом случае можно повторить слова доктора Бока (русск. перев., стр. 171):

«Только» высшее и совершеннейшее

развитие мозга отличает человека от животных; недостатки же мозга, несовершенное развитие или болезненное изменение его более или менее ослабляют сознание, способности духовные и способность чувствовать и произвольно двигаться. Значительнейшие недостатки мозга ставят человека иногда гораздо ниже животных. Следовательно, душа человеческая прежде всего обуславливается здоровым мозгом».

Но для того, чтоб мозг, был здоров и развився правильно, необходимы некоторые особенные условия. В организме человека нет ни одной части, которая существовала бы сама по себе, без всякой связи с другими частями; но ни одна из частей нашего тела не связана так существенно со всеми остальными, как головной мозг. Не входя ни в какие подробности, довольно сказать, что в нём сосредоточиваются нервы движения и чувствования. Понятно поэтому, в какой близкой связи находится деятельность мозга с общим состоянием тела. Очевидно, что всякое изменение в организме должно отражаться и на мозге,

если не в мыслительной, то в чувствительной его части. Доселе ещё физиологические исследования не объяснили вполне микроскопическое строение частиц и химический состав мозга, и, следовательно, нельзя ещё сказать, какими именно материальными изменениями организма обуславливается (та или другая сторона деятельности мозга. Тем не менее дознано уже достоверно, что, кроме охранения мозга от повреждений, для его развития необходимы два главные условия: *здоровое питание и правильное упражнение*. Питание мозга производится из крови. Следовательно, для правильного питания его необходимо, чтобы в организме правильно совершалось кроветворение, кровообращение и кровоочищение. Примеры того, что порча крови вредно действует на правильность отправлений мозга, — нередки. Так, например, бывает при разлитии жёлчи, в нервной горячке, в так называемом собачьем бешенстве, и пр. Кроме питания, для развития мозга необходимо ещё упражнение, посредством восприятия внешних впечатлений.

«Здоровый мозг, говорит доктор Бок

(стр. 171), должен развить свои умственные способности постепенно, с помощью пяти чувств и внешних впечатлений. На этом основывается весь процесс воспитания. Человек, которого тотчас по рождении удалили бы совершенно от общества людей, не имел бы и следа человеческого разума; а окружённый, при тех же условиях, одними животными, он непременно усвоил бы себе все их привычки, разумеется настолько, насколько это позволяет человеческая организация».

Наблюдения над историей духовного развития человека несомненно подтверждают мнение Бока, показывая, что чем менее внешних впечатлений получал человек, тем менее, уже круг его понятий, а вследствие того – ограниченнее и способность суждения. Против этого положения возражают многие, утверждая, что понятия и суждения существуют в человеке при самом рождении, и что иначе он ничем бы не отличался от животных, имеющих внешние чувства, столь же совершенные, а иногда и лучшие, чем человек. Кроме того, говорят, если бы все понятия при-

обретались из внешнего мира, то дети, выросшие под одними влияниями, должны бы быть одинаково умными. Такое возражение совершенно неосновательно; при нём упускается из виду то обстоятельство, что ощущение внешних впечатлений совершается не в самих органах чувств, а в мозгу; мозг же неодинаков у людей и животных и даже допускает некоторое различие в различных людях. Что некоторые особенности в строении тела, в темпераменте, в расположениях, — переходят наследственно от родителей к детям, это есть факт, ещё не объяснимый для естествоведения, но вполне достоверный. Поэтому часто одни и те же впечатления действуют неодинаково на разных людей. При этом, для сравнения, можно вспомнить замечательный факт, представляемый медициною. Лекарства, даваемые больным, действуют не на все органы тела одинаково, а преимущественно на те или другие, для которых они и назначаются. Процесс их употребления организмом совершенно одинаков во всех случаях: они входят в кровь и вместе с нею разносятся по всему телу. Но при этом обращении

их совершается, по некоторым, иногда известным, а иногда и неизвестным нам, химическим законам, притяжение их к той или другой части организма. Таким образом, можно полагать, что и в деятельности мозга совершается восприятие одних впечатлений преимущественно пред другими, и что те впечатления, которые проходят как бы незаметно через чувственные органы одного человека, производят сильное действие на другого.

Что человек не из себя развивает понятия, а получает их из внешнего мира, это несомненно доказывается множеством наблюдений над людьми, находившимися в каких-нибудь; особенных положениях. Так, например, слепорождённые не имеют никакого представления о свете и цветах; глухие от рождения не могут составить себе понятия о музыке. Люди, выросшие в лесах; в обществе животных, без соприкосновения с людьми, отличаются дикостью и неразвитостью понятий. Иногда эта неразвитость доходит почти до совершенного отсутствия всяких признаков разумности, как, например, у известного Каспара Гаузера, этой «неудачной попытки на ра-

зумное существование», по выражению одного немецкого писателя.[4]

То же самое подтверждается наблюдениями над детьми, находящимися даже в нормальном состоянии. В первое время жизни младенец не имеет сознательной деятельности. По мнению физиологов, он даже не чувствует ни боли, ни голода; он берёт грудь матери, но совершенно бессознательно, механически, просто вследствие известного физиологического процесса в его нервах. Он кричит к возится, потому что нервы ощущения, раздражаясь, передают раздражение и нервам движения. Примеры подобного непроизвольного движения обнаруживаются нередко и в трупах, и в телах растительного царства. Что же касается до сознания, то его ещё нет и не может быть в новорождённом дитяти.

«Внешние впечатления, говорит Бок (стр. 506), не производят в младенце ощущений или боли, потому что орган ощущения и сознания, то есть мозг, ещё неспособен к деятельности. Крик дитяти происходит без всякого сознания, вследствие того, что раздражённые чувствительные нервы действуют на

нервы органа голоса. Только впоследствии, с развитием мозга, появляется сознание и ощущения».

Каким образом, мало-помалу, происходит развитие сознательной жизни в человеке, довольно подробно излагается в книге доктора Бока, на стр. 521–529. Мы считаем нелишним представить здесь его главные положения.

Появление сознательности в ребёнке начинается, по мнению доктора Бока, довольно рано.

«К сожалению, говорит он, большая часть родителей думает, что разум, т. е. способность мозга чувствовать, мыслить и желать, является не в младенческом возрасте, а гораздо позже; поэтому им и в голову не приходит, что грудной ребёнок нуждается уже в правильном воспитании».

Воспитание, предлагаемое доктором Бокком, вовсе, впрочем, не то отвлечённое воспитание, о котором у нас хлопчут, а диететическое. Сначала чувства новорождённого чрезвычайно туры, таре что в первое время он не может отличить даже молока матери от самых горьких веществ, и только привычка к

сладкому мало-помалу научает его различать сладкий и горький вкус. Точно так же постепенно, вследствие привычки к впечатлениям известного рода, развиваются и все остальные чувства, следовательно, в это уже время легко произвести в ребёнке *много* привычек и потребностей, которые могут впоследствии укорениться в нём. Раньше всех чувств появляется у ребёнка осязание в губах, которыми он ищет грудь матери; затем развивается зрение, слух, и т. д. В первый месяц жизни глаза дитяти совершенно недействительны, а потому и взгляд у него совершенно бессмысленный и неопределённый. На пятой или шестой неделе ребёнок начинает уже всматриваться в окружающие предметы, вследствие чего в мозгу его происходят первые чувственные впечатления, то есть умственные образы, постепенно всё более проясняющиеся. Мало-помалу они доходят до такой степени ясности, что могут представляться сознанию ребёнка даже и тогда, когда самых предметов нет перед его глазами. С этого начинается деятельность способности представлений. Слух развивается параллельно с зрением, и оба органа в раз-

витии своём помогают друг другу, так что, например, впечатление, произведённое на слух, заставляет уже дитя открыть глаза и смотреть в ту сторону, откуда выходит звук. На третьем месяце жизни в ребёнке уже проявляется желание схватить видимый им предмет; но при этом замечается в нём полное отсутствие понятия о расстоянии и величине, равно как и неумение употреблять свои мускулы. Ребёнок протягивает ручки обыкновенно *мимо* предмета, и если ему дадут что в руки, то он не умеет держать. Но мало-помалу развивается в нём и осязание. Трёх месяцев дитя начинает уже лепетать, или, как говорится, *гулить*. Если ребёнок часто слышит одно и то же слово, соединяемой с видам какого-нибудь предмета, то оба представления – и названия, и самого предмета – сближаются в его голове, так что, при названии вещи, он может вспомнить её вид и понять, о нём идёт речь. Только связь между предметами и порядок действий остаются ещё ему чужды; связанная речь совершенно непонятна для него. В это же время (то есть пяти или шести месяцев) ребёнок научается различать ласковый

тон речи от сердитого. Месяца два спустя в нём являются уже тёмные представления и о том, в каком порядке и для чего делается то или другое. Достигши такой степени умственного развития, ребёнок уже пытается сам говорить, но это уменье даётся ему раньше или позже, смотря по тому, как развиты у него органы движения. Воля развивается позже всего, уже на втором году, когда дитя может бегать без посторонней помощи, и когда имеет уже запас впечатлений, достаточный для того, чтобы составлять собственные суждения и выводы. Из этого видно, как важны первые впечатления, лежащие на мозг ребёнка, для будущего его характера и деятельности. Замечено, что дети, с которыми мать или кормилица весело болтала и шутила в первые месяцы их жизни, получают нрав добрый и весёлый. Многие дети, которых долго водили на помочах, не позволяя им ходить без посторонней помощи, навсегда сохраняют в характере нерешительность и недоверие к своим силам. Дети, которые в первый год жизни привыкли только к приятным ощущениям, и от которых при первом их крике удаляли всё

неприятное, с большим трудом и впоследствии переносят неудовольствия и злятся при малейшей неудаче. Большая часть детей, которых *учат* говорить, то есть натверживают им слова, не показывая самого предмета, обнаруживает впоследствии большую поверхностность.

Ещё большее значение имеют внешние впечатления для дитяти, вступившего уже в третий, четвёртый год жизни. До этого времени, по мнению Бока, можно ещё допустить награды и наказания, даже телесные; но новее не как разумную педагогическую меру, а единственно в уважение того, что у дитяти не развиты ещё органы разумной деятельности, и животная непосредственность преобладает. Так ленивая лошадь неумоима едет целую дорогу, если впереди её едет воз с сеном; тай ездок пришпоривает коня, чтобы он бежал скорее. В период ранней, почти бессознательной жизни дитяти, награды и наказания допускаются именно в этом смысле. С четвертого года они становятся излишними и заменяются убеждением. По мнению д-ра Бока (стр. 543), «ожидание обычной награды за благо-

нравие может вселить в детей начала корыстолюбия, продажности, эгоизма». Наказания, конечно, пугают детей, а «боязнь, по словам Бока (стр. 550), есть начало трусости, криводушия и подлости». С пятого и особенно шестого года необходимо приучать детей к рассуждению и отчётливости во всём, что они делают. Поэтому никогда на следует заставлять детей делать то, что превышает их понятия, и в чём они не могут ясно убедиться при маленьком запасе своих знаний, почерпнутых из наблюдения внешнего мира. Нужно сколько можно более и правильнее упражнять внешние чувства ребёнка, чтобы увеличился запас впечатлений в его мозгу, и тогда светлые взгляды и суждения о различных отношениях предметов неизбежно явятся в голове его сами собою. Набивая же голову ребёнка разными понятиями, которые выше его соображения, мы производим только то, что дитя не может дать себе отчёта в своих ощущениях, не может подчинить их своей воле и освободиться от них.

«Многие воспитатели, говорит доктор Бок, конечно, думают, что тако-

го рода воспитание развивает в детях благородные и возвышенные чувства; но они ошибаются. На деле выходит совсем другое, то есть образуются не люди с благородными чувствами, а сентиментальные фантазёры, совершенно негодные в практической жизни и бесполезные себе и другим» (стр. 551).

Несколько данных, приведённых нами, могут, кажется, дать некоторое понятие о связи нервных и мозговых отправлений с умственной деятельностью человека. Несомненные факты ясно показывают нам, что для правильного хода и обнаружения нашей мысли необходимо вам иметь мозг здоровый и Правильно развитый. Следовательно, если мы хотим, чтобы умственная сторона существа нашего развивалась, то не должны оставлять без внимания И физического развития мозга.

Но читателю может ещё представляться вопрос: «что же нужно делать для нравственного развития, на которое мозг должен иметь влияние не прямое, а посредственное?» На этот счёт мы привели уже мимоходом несколько заметок доктора Бока; но здесь мо-

жем, прибавить и ещё несколько соображений. Они очень нехитры, и потому не будут продолжительны.

Если следовать старинному (и доселе общепринятому) разделению душевных способностей человека, то, кроме ума, (остаётся ещё чувство и воля. Деятельность чувства относится обыкновенно к сердцу и совершенно освобождается от мозга. Мнение это нельзя назвать совершенно основательным. Собственно говоря, сердце в наших чувствах и страстях не виновато нисколько. Всё, что мы привыкли приписывать сердцу, зарождается опять-таки всё в том же головном мозге. Но от мозга идут к сердцу особые *нервы сердца*, которые находятся в связи со всеми прочими нервами тела; поэтому всякое, сколько-нибудь чувствительное, раздражение, где бы и от чего бы оно ни произошло, — немедленно сообщается в головном или спинном мозге нервам сердца и производит усиленное его биение. Так как это биение для вас легче заметить, чем деятельность мозговых нервов, то мы и приписываем всякое чувство сердцу. Но что первоначальная причина всякого чув-

ства всё-таки мозг, в этом не трудно убедиться посредством, напр., такого соображения. Чувствования возникают в нас вследствие впечатлений, полученных от предметов внешнего мира. Но впечатления эти только тогда могут быть нами созваны, когда они подействовали на мозг. Иначе мы будем смотреть на предмет и не видеть; перерезанный нерв будет раздражаем всеми возможными средствами, и мы не будем чувствовать боли, потому что нерв разобщён с мозгом. Отсюда очевидно, что всякое чувство, прежде своего отражения в сердце, должно явиться в мозгу, как мысль, как сознание впечатления, и уже оттуда подействовать на организм и проявиться в биении сердца. Следовательно, на чувство надобно опять действовать посредством мысли. Одни чувства развиваются в нас сильнее, чем другие; одни люди чувствуют иначе, нежели другие, – всё это так. Но причина такого различия вовсе не заключается в развитии сердца, этого полого мускула, выгоняющего кровь кверху. Причина находится по большей части в различии первоначальных впечатлений, воспринятых нашим

мозгом. Если человек с первых дней детства привык, например, слышать постоянно мелодические звуки, то естественно, что у него разовьётся чувство музыкальное; если: в детстве не привык человек переносить неприятных ощущений, то понятно, что малейшая неприятность выводит его из себя; если в ребёнке успешно старались задерживать свободную деятельность мысли, то неизбежно родится в нём чувства отвращения и умственной деятельности, и т. д. Вообще (нужно сказать, иго наши дурные чувства происходят непременно вследствие неполного, неправильного, Иди совершенно превратного восприятия впечатлений мозгом. Как после сильного звука мы уже не слышим посредственного, но довольно слышного звука, или как мы ничего не видим; внезапно перейдя от яркого освещения в место, слабо освещённое, но всё же довольно светлое; так точно бывают подобные неправильные восприятия, а вследствие того и чувства, и в предметах, прямо относящихся, к нашей духовной деятельности. Человек, привыкший постоянно получать похвалы, не рад и даже досадует, ко-

гда его хвалят меньше обыкновенного; тот, кто привык к праздной жизни и мало испытывал сильных впечатлений, пугается ничтожного труда, как неисполнимого; человек, из детства привыкший к восприятиям сцен грязных и грубых, наслаждается даже и в пошлом кругу, который хоть немножечко поприятнее его прежнего общества. Таким образом все, дурные и хорошие, чувства и страсти каши находятся в полной зависимости от степени развития и от здоровья или нездоровая мозга. Развитие симпатических чувствований вместе с образованностью и преобладание эгоистических при невежестве – известно всякому.

На основании этих данных можно положительно сказать, что старания многих воспитателей *действовать на сердце* дитяти, не внушая ему здравых понятий, совершенно напрасны. Результатом подобного «действия на сердце» бывает обыкновенно добродушие по привычке, при совершенной шаткости и бессилии убеждений. Можно решительно утверждать, что только та доброта и благородство чувствований совершенно на-

дѣжны и могут быть истинно полезны, которые основаны на твёрдом убеждении, на хорошо выработанной мысли. Иначе – нет никакого ручательства за нравственность человека с добрым сердцем, а тем менее за полезность его для других: вспомним, что «услужливый медведь опаснее врага».

При воспитании, следовательно, развитие чувства является само собою, если только умственные восприятия правильны, последовательны и ясны. У детей часто можно заметить, какое удовольствие доставляет им ясное сознание какого-нибудь нового предмета, новой мысли. Как будто какой-то свет озаряет их, глаза их светятся, всё лицо как будто сияет, они начинают говорить от избытка) чувства, составляют свои соображения, планы, и т. д. Это значит, что мысль усвоена ими с полнотою и ясностью, достаточною для того, чтобы возбудить в них внутреннее чувство, – и счастлив учитель, который умеет часто приводить своих учеников в такое состояние. В этом отношении г. Шнелль совершенно справедливо говорит (стр. 146):

«При обучения не нужно патетических

речей, декламаций, и т. д., для того, чтобы мысль действовала и на чувство ученика. Всякое истинное преподавание само по себе доставляет богатый материал чувству, потому что познание просветляет не только ум, но и сердце, оживляя и радуя его. Познание и радость находятся в ближайшем сродстве между собою».

Что касается до воли, то она ещё более, нежели чувство, зависит от впечатлений, производимых на наш мозг внешним миром. В наше время уже всякий понимает, что абсолютная свобода воли для человека не существует, и что он, как все предметы природы, находится в зависимости от её вечных законов. Кроме г. Берви, автора «Физиологическо-психологического взгляда», никто уже не может ныне сказать, что человек существует вне условий пространства и времени и может по произволу изменять всеобщие законы природы. Всякий понимает, что человек не может делать всё, что только захочет, следовательно свобода его есть свобода относительная, ограниченная. Кроме того, самое маленькое размышление может убедить всяко-

го, что поступков, совершенно свободных, которые бы ни от чего, кроме нашей воли, не зависели, – никогда не бывает. В решениях своих мы постоянно руководствуемся какими-нибудь чувствами или соображениями. Предположить противное – значит допустить действие без причины.

Собственно говоря, воли, как способности отдельной, самобытной, независимой от других способностей, допустить невозможно. Все её действия обуславливаются и даже неизбежно производятся тем запасом знаний, какой скопился в нашем мозгу, и той степенью раздражительности, какую имеют наши нервы. Орудием выполнения наших желаний служат нервы движения, идущие от мозга ко всем мускулам. Поэтому степень развития мускулов также обуславливает нашу деятельность. Необходимо также, чтобы нервы мускулов были соединены с мозгом; иначе они не будут нам повиноваться, и мы не в состоянии будем произвести движения.

Что желания появляются сначала в мозгу, доказательством может служить уже одно то, что желания эти имеют всегда какой-нибудь

предмет, какую-нибудь цель. Значит, для желания нужно, чтобы предмет произвёл сначала впечатление на наш мозг, потому что нельзя же желать того, о чём не имеешь никакого представления. Далее нужно, чтобы впечатление предмета было приятное, т. е. успокоительное, а не разрушительное, для нашей натуры: как все в мире, человек стремится только к тому, что соответствует его натуре в каком-нибудь отношении, и отвергается от того, что ей противно. Таким образом, так Называемая свобода выбора – в сущности означает именно возможность, существующую в нашем уме, сличить несколько предметов и определить какой из них лучше. Здесь очень кстати припомнить известный афоризм, что «всякий преступник есть прежде всего худой счётчик». Действительно, большая часть преступлений и безнравственных поступков совершается по невежеству, но недостатку здравых понятий о вещах, по неумению сообразить настоящее положение дел и последствия поступка; и только немногие безнравственные действия совершаются вследствие твёрдого, но ложного убеждения.

По этому можно отличить легкомысленные проступки от заблуждений серьёзных. Некоторые безнравственные люди оправдывают себя, считая свой образ мыслей справедливым: и соображая с ним свои действия. Но таких не слишком много. Большая часть людей совершает проступки всякого рода потому, что ни о чём собственно не имеет определённого понятия, а так себе, колеблется между добром и злом. Хороший стих нападёт, так кажется, что вот это безнравственно, а другая минута придёт, так, пожалуй, то же самое и нравственным покажется. Хочет человек выпить рюмку ради желудка[5] и очень хорошо понимает, что много пить не следует; но для компании он не откажется выпить ещё одну, и другую рюмку, и тут уже понятия его совершенно переворачиваются. Пока у человека есть деньги, и нет ни в чём нужды, он не захочет принять какой-нибудь благодарности, считая это бесчестным. Но тот же самый человек будет, пожалуй, даже напрашиваться на благодарность, ежели нужда горькая придавит его. Так, все взяточники, обманщики, притеснители, мало-помалу приобретают

привычку и достигают некоторого искусства в своём деле. Иногда вместе с практикою приходит и теоретическое убеждение, с нею своеобразное. Но чаще всего нравственное убеждение остаётся в голове само по себе, в отвлечении, а дела идут сами по себе. Всё это – следствие того, что понятия о нравственности в головах многих людей не вырабатываются самобытно, а западают в голову: мимоходом, со слов других, в то время, когда ещё мы и не в состоянии понять таких внушений. Понятия многих людей о нравственности можно сравнить с нашими понятиями о вреде, например, куренья табаку, питья чаш, кофе, и т. п. Мы все слышали что-то такое о вреде всего этого; но, ведь, мало ли что мы слышали? Ясное и верное суждение о том, вредны ли табак и чай, и в каких случаях вредны, – приобрести довольно трудно; поэтому мы и довольствуемся слухами, да и о тех часто забываем. Нельзя же за каждой папироской и за каждой чашкой чаю вспоминать медицинские наставления, которые ещё, может быть, и несправедливы. Совершенно так же многие забывают и о нравственности в своих житей-

ских попечениях. Вообще произвол, который столь многие смешивают с истинной свободой, означает, напротив, самую рабскую зависимость человека от первого встречного впечатления. Оттого-то дети, которых все прихоти беспрекословно исполнялись, несмотря на всю их нелепость, – вырастают столь же мало нравственно-свободными, как и те дети, у которых с самого начала жизни подавляемы были все проявления воли, то есть все попытки к самостоятельному обсуждению предметов. Г. Шнелль совершенно справедливо говорит об этом (стр. 222).

«Преимущественно должны мы предохранять себя и других от произвола. Кто слепо следует минутному настроению духа, кто в своих поступках руководствуется только произволом, не подчиняя свою волю высшей власти разума и справедливости, тот будет или слабым, бесхарактерным человеком, или притеснителем и тираном самого себя и других, и это случается даже с детьми... Люди жестокие, мучителя человечества все воспитываются таким образом. Это несчаст-

нейшие и опаснейшие люди. Им нельзя верить, хотя бы они сами проповедывали братство и законную гражданскую свободу; потому что произвол, служащий рычагом всех их поступков, есть также источник несправедливости, жестокости и злодейства».

Несомненное влияние органического развития на умственную и нравственную деятельность человека уже очень давно сделалось предметом исследования натуралистов. Способ и самая сущность этого влияния со дня на день всё более объясняются новейшими физиологическими исследованиями. Опираясь на эти исследования, мы уже смело можем сказать теперь, что естественное, правильное, здоровое развитие всех сил организма гораздо более значит для умственной деятельности, нежели всевозможные искусственные внушения. Здоровое же состояние и нормальное развитие мозга отражается и на чувствах и желаниях наших сильнее и скорее, нежели всяческие нравоучительные сентенции и патетические тирады, которые

мы заучиваем наизусть, большую часть, без всякого толку.

Указывая в этой статье на некоторые результаты физиологических исследований, мы вовсе не пускались ни в какие объяснительные подробности относительно строения организма вообще, состава и устройства нашего мозга, нервной системы, и проч. Мы не хотели вводить этих подробностей в статью нашу потому, что они слишком увеличили бы объём статьи, а между тем всё-таки не могли бы дать читателям, незнакомым с анатомией и физиологией, совершенно ясного понятия о строении всего нашего организма: такое понятие может быть почерпнуто не иначе, как из книги, специально посвященной этому предмету. Между тем, статья наша написана именно для людей, совершенно незнакомых с физиологией; кто хоть сколько-нибудь занимался ею, тот не найдёт здесь, вероятно, ни одного факта, ни одного положения нового... Но и для незнающих современного положения физиологии статья наша не может показаться удовлетворительною, именно по отсутствию подробностей. Строгие критики заме-

тят, что, следовательно, вся наша статья бесполезна и написана совершенно напрасно! Предупреждая такое заключение, мы спешим оговориться, что вовсе не приписываем нашим заметкам какого-нибудь особенного значения. Единственная наша цель была – пробудить в читателях, совершенно чуждых естественным наукам, хотя некоторый интерес к ним, и вместе с тем обратить внимание публики на две книги, весьма бесполезные для первого знакомства с физиологией и с ходом человеческого развития. Все анатомический и физиологические подробности, которых недостаёт в нашей статье, читатель может найти в «Книге о здоровом и больном человеке», доктора Бока, сочинении весьма простом и популярном. Применение же физиологических начал к воспитанию можно найти в сочинении Шнелля, который тоже излагает много полезных и справедливых мыслей, хотя иногда и увлекается кое-какими мечтаниями, в сущности вовсе ненужными для правильного органического развития человека.

Комментарии

Опубликовано в «Современнике» (1858, № 5, стр. 1 и сл.). Печатается по Полному собранию сочинений, т. III, стр. 90–113.

[^^^]

2

В действительности Бетховен создал свои лучшие произведения в последние годы жизни, когда был совершенно глух. История музыки объясняет это тем, что композитор слышит сочиняемое им «внутренним» слухом.

[^^^]

Из стихотворения Пушкина «Козлову».

[^^^]

Каспар Гаузер – имя человека, воспитанного вне человеческого общества. Это единственный пример во всей мировой истории. Тайственная судьба Каспара Гаузера занимала в XIX веке всю мировую печать. В 1828 г. появился в Нюрнберге юноша в крестьянской одежде, который не имел никакого понятия об окружающем, не умел говорить, хотя писал своё имя и фамилию. Его стали обучать и воспитывать. Через пять лет Каспар Гаузер был убит. Тайственные обстоятельства этого убийства, как и покушения на его жизнь в 1830 г. дали основание думать, что, повидимому, убийцы опасались его разоблачений. Тайна Каспара Гаузера так и осталась неразгаданной.

[^^^]

5

Стомах – желудок (*греч.*); выражение взято из семинарского быта.

[^^^]